

ПСИХОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ*

© 2000 г. А. В. Юревич

Доктор психол. наук, зав. сектором социальной психологии ИИЕиТ РАН, Москва

Анализируются причины кризиса рационалистической психологии, главными симптомами которого служат все большее удаление друг от друга исследовательской и практической психологии; обособление гуманистической психологии; попытки создания таких систем знания, как христианская психология или психология души, значительное расширение области влияния парапсихологии. Кризис обусловлен тремя основными причинами: “иррационализацией всей общественной жизни”, дополненной имеющей свои национальные особенности иррационализацией российской жизни; отсутствием у психологии твердой и адекватной методологии, которая сделала бы ее такой же устойчивой к внешним социальным воздействиям, как естественные науки; “позитивистским перенапряжением”, порождающим разочарование в позитивизме, которое проецируется на рационализм вообще. Для решения основных методологических проблем психологии необходимо выработать новую парадигму, которая не была бы ни позитивистской, ни феноменологической.

Ключевые слова: рационализм, иррационализация, позитивистское перенапряжение, методологические эмоции, феноменологизм.

Одной из главных особенностей современного состояния психологической науки является ее отход от тех методологических позиций, с которыми она казалось бы навечно срослась со времен Фехнера. Его главными признаками служат, во-первых, все большее удаление друг от друга исследовательской и практической психологии, во-вторых, обособление гуманистической психологии, противопоставившей себя психологии традиционной, в-третьих, попытки создания таких своеобразных систем психологического знания как христианская психология или психология души, в-четвертых, значительное расширение области влияния парапсихологов, “психологов-магов” и т.п. Подобные явления, знаменующие кризис рационалистической психологии, пока не получили вразумительной аналитической оценки. В то же время они настоятельно требуют осмысления – если, конечно, психологи желают сохранить в своей науке хоть какие-то методологические стандарты и избежать ее превращения в игру без правил, описанную Л. Кэрролом в его далеко не детской книге “Алиса в стране чудес”. А их осмысление требует обращения не только к методологии психологической науки, но и к асимметричной ей реальности – психологической подоплеке методологии.

УСТАЛОСТЬ ОТ РАЦИОНАЛИЗМА

Одна из главных причин захватившего психологию “методологического анархизма” состоит в том, что научное сообщество зависимо от обще-

ства, фокусирует все в нем происходящее, и чем “мягче” наука и, соответственно, чем меньше она защищена внутридисциплинарными стандартами получения знания и поведения ученых, тем эта зависимость больше¹.

Происходящее в современном обществе можно охарактеризовать, перефразируя известное выражение М. Вебера, как “рационализацию всей общественной жизни” [4], как ее “иррационализацию”, основными симптомами которой служат культы колдунов, астрологов, хиромантов, экстрасенсов и прочей подобной публики, к услугам которой охотно прибегают многие здравомыслящие, или, по крайней мере, считающиеся таковыми люди, в том числе и сильные мира сего; глобальная мистификация массового сознания, размывание традиционных представлений о рациональности и области возможного и т.д. Все эти симптомы иррационализации хотя и проявляются с особой остротой в нашей стране, не имеющей иммунитета как от социального, так и от когнитивного экстремизма, носят интернациональный характер и порождены накатившейся с Запада волной, на пути которой прежде стояли бдительность советских идеологов и твердый материализм отечественного обывателя.

В конце 70-х гг. К. Саган, автор публицистического бестселлера “Драконы Рая”, писал: “сейчас на Западе (но не на Востоке) наблюдается возрождающийся интерес к туманным, анекдотич-

* Статья публикуется в порядке обсуждения.

¹ Имеется в виду широко распространенная в современном науковедении дифференциация “твердых” – естественных и “мягких” – гуманитарных и социальных наук.

ным, а иногда и подчеркнуто ложным доктринам, которые, если бы были правдивыми, создали бы более интересную картину вселенной, но, будучи ложными, выражают интеллектуальную неаккуратность, отсутствие здравомыслия и траты энергии в ненужных направлениях” [44, с. 247]. Образцы подобных доктрин, перечисляемые Саганом: астрология, учение об аурах, парапсихология, мистицизм, популярность которых, по его мнению, выражает активность наиболее примитивных – лимбических – структур мозга, нашедшую выражение в “стремлении заменить эксперименты желаниями” [там же, с. 248]. В конце же 80-х гг. в штате Калифорния, который стал колыбелью компьютерной революции, профессиональных астрологов насчитывалось больше, чем профессиональных физиков (что, впрочем, не помешало компьютерной революции совершиться) [23]. А сейчас материалы, посвященные науке, регулярно печатают менее 10% американских газет, в то время как астрологические прогнозы – более 90%.

Рационализм, который принято считать системой мировосприятия, лежащей в основе развития рынка, науки и вообще современной западной цивилизации, обладает и еще одной важной стороной – является *видом массовой психологии*, которая, как и всякая психология, имеет три составляющие: 1) когнитивную (определенный стиль мышления); 2) эмоциональную (стремление к господству разума над чувствами и др.) и 3) поведенческую (активность, терпение, либерализм, трудолюбие и т.д.) [26]. Многие причины вытеснения этой психологии “иррационализацией всей общественной жизни” тоже лежат в психологической плоскости и обычно видятся в своеобразной усталости от рационализма; в необходимости отдушин от его многочисленных ограничений; в потребности человека верить в чудеса, которая свойственна и австралийскому аборигену, и строителю коммунизма, и представителю современного западного общества; в неспособности разума долго контролировать эмоции и др. Не последняя роль приписывается и открытию З. Фрейда, продемонстрировавшего, как эмоции “обманывают” разум, формально подчиняясь ему, а реально, наоборот, контролируя его из подсознания.

Но все же решающее значение имеет *рационализация самого иррационализма*, которая осуществляется в двух основных формах – когнитивной и социальной. Когнитивная рационализация состоит в том, что современные колдуны, астрологи и экстрасенсы стремятся использовать те формы презентации, обоснования и верификации знания (точнее, того, что они за него выдают), которые характерны для рациональной науки. Отсюда попытки привязать астрологические прогнозы к законам физики; активная эксплуатация таких вполне наукообразных понятий как, например, биополе; видео- и фотоматериалы, якобы

подтверждающие существование аур или визиты духов умерших. Социальная же рационализация заключается в том, что сообщество параученых организуется и институционализируется по образу и подобию научного сообщества. Типовые проявления этой институционализации – учреждение академий белой или черной магии; создание соответствующих институтов, сильно напоминающих НИИЧАВО – научно-исследовательский институт чародейства и волшебства, прозорливо описанный братьями Стругацкими; присуждение паранаучных степеней и званий, аналогичных научным; чтение лекций, проведение семинаров и другие формы мимикрии под научное сообщество. То есть и в когнитивном, и в социальном планах иррационализм отчетливо мимикрирует под рационализм, а его представители явно имитируют основные формы поведения, характерные для ученых.

Как ни парадоксально, и рациональная наука, казалось бы, полностью и навсегда одолевшая иррационализм, немало сделала для его ренессанса. Она не только подала пример социальной организации и когнитивной репрезентации знания, но и породила *гипотезы*: о существовании биополей, возможности экстрасенсорного восприятия, влиянии космоса на организм человека и т.д., которые представителями паранауки используются в качестве *объяснительных принципов*. Она своими открытиями, не раз разрушавшими привычное мировосприятие, внушила массовому сознанию, что в принципе *все возможно*, – даже то, что выглядит абсолютно нереальным. Она вооружила современных мистификаторов техническими средствами – от видеопленки, на которую специалисты по спиритизму “снимают” духи Цезаря или Наполеона, до той сверхсложной аппаратуры, которой пользуется Д. Коперфильд. Она внесла решающий вклад в демократизацию мысли, в утверждение в обществе толерантного отношения к ее самым необычным проявлениям, приучив к тому, что инакомыслящих не следует сжигать на кострах. И, наконец, именно наука дала жизнь *научной фантастике* (не только как некогда самому популярному литературному жанру, но и как состоянию умов), которая обманула обывателя, пообещав ему контакты с представителями других миров и решение всех основных, по крайней мере, технических проблем человечества к концу нашего века и породив иллюзии, разрушение которых обыватель не прощает.

Справедливости ради надо признать, что рационализм и иррационализм не разделены непреодолимой гранью. Любая, даже самая абсурдная, система взглядов рациональна – в том смысле, что выстроена и обоснована некоторой логикой, а, скажем, мистицизм отличается от науки не тем, что иррационален вообще, а тем, что основан на иных, весьма специфических критериях рациональности. Критерии же рациональности плюра-

листочны и изменчивы во времени. А. Кромби, например, насчитал в истории человечества шесть последовательно сменявших друг друга видов [30]. А В.С. Степин в западной рационалистической науке выделяет три вида рациональности, которые выражают классическая, неклассическая и постнеклассическая наука [20]. Словом, как пишет С. Тулмин, “никакой единственный идеал объяснения... не применим универсально ко всем наукам и во все времена” [21, с. 163], а развитие системы научного познания сопровождалось изменениями представлений о том, что считать рациональным. В условиях же плюралистичности и исторической изменчивости критериев рациональности мимикрия иррационализма под рационализм стирает нормативные грани между ними, оставляя только один демаркационный критерий – представление о *сфере возможного*, которое само не может быть выстроено рациональным путем, а относится к области *веры*.

Как ни странно, в нашей стране, долгие годы гордившейся своим всепроникающим рационализмом, иррационалистические тенденции легли на очень благодатную почву, интернациональная “иррационализация общественной жизни” была дополнена иррациональностью сугубо российской. Российская интеллектуальная традиция всегда заключала в себе сильную иррационалистическую потенцию, отторгая рационализм западной науки и характерный для нее стиль мышления. Основные атрибуты этого мышления вызывали у российских интеллектуалов сильное раздражение. К.С. Аксакова, например, не устраивало то, что в его рамках “все формулируется”, “сознание формальное и логическое” не удовлетворяло А.С. Хомякова; “торжество рационализма над преданием”, “самовластвующий рассудок”, “логический разум”, “формальное развитие разума и внешних познаний” гневно порицались И.В. Киреевским [18, с. 70]. Этим символам западного мышления противопоставлялись “живое мирозерцание”, интуиция, “внутреннее ясновидение”, эмоциональная вовлеченность в познавательный процесс. А И.А. Ильин утверждал: “русский ученый призван вносить в свое исследование начала *сердца, творческой свободы и живой ответственной совести*”, ибо “рассудочная наука, не ведающая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука *духовно слепая*” [10, с. 442].

Из подобных настроений проистекали, в частности, постоянные призывы к “обручению” науки, а также то, что принято называть ее “неврозом своеобразия”, или “германским комплексом” [18 и др.]. К.С. Аксаков сетовал: “мы уже полтора десятилетия стоим на почве исключительной национальности европейской, в жертву которой принорасится наша народность; оттого именно мы еще ничем и не обогатили науки” [2, с. 111]. Ему вторил А.И. Герцен: “нам навязали чужеземную тра-

дицию, нам *швырнули науку*” [7, с. 124]. Н.И. Кареев писал: “для нас это (западная наука – А.Ю.) – чужое платье, которое мы продолжаем носить по недоразумению” [11, с. 176], и призывал к “обручению” науки, состоящему в “самостоятельной переработке усвоенного с присоединением к нему того, что выработала сама русская жизнь” [там же, с. 182]. Но как всегда наиболее категоричным был И.А. Ильин, усматривавший в западной науке “чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков” [10, с. 440]². По его мнению, чтобы усвоить западную науку, “нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести или, во всяком случае, отказаться от их преобладания” [там же, с. 440]. И поэтому “русская наука не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое *мировосприятие, свое исследование*” [там же, с. 442].

Неприятие рационализма имело в российской интеллектуальной традиции прочные морально-этические корни, выроставшие из православия, которое не только представляло собой религиозную доктрину, но и выражало основные особенности российского менталитета. В частности, для православия “рационализм был ассоциирован с эгоизмом, с безразличием к общественной жизни и невключенностью в нее” [32, с. 12]. И поэтому первый “бунт против картезианства” [там же, с. 101] – основы и символа западного научного мышления – состоялся именно в России, породив противопоставленный рационализму “мистический прагматизм” – “взгляд на вещи, основным атрибутом которого служит неразделение мысли и действия, когнитивного и эмоционального, священного и земного” [там же, с. 17]. И вполне закономерно, что в российской гуманитарной науке рождались концепции, подобные созданной Н.Ф. Федоровым, в которой нашлось место и для духов усопших, и для переселения душ, и для других подобных сюжетов.

Само собой разумеется, марксизм и надстроенная над ним советская идеология наложили на такие фантазии строгое вето. Но кандовый материализм советских времен выглядел ненадежным, сильно напоминая подавленный идеологией иррационализм, свидетельством чему служила массовая любовь советских людей к сказкам, научной и ненаучной фантастике, а также к мифам вроде мифа о коммунизме. Кроме того, как известно, наша страна живет по “закону маятника”, регулярно переходя от одной крайности к другой, что современными психологами квалифицирует-

² Отметим, что это весьма необычный образ западной науки, традиционно связываемой не с католической, а с протестантской культурой.

ся как массовый невроз. И неудивительно, что как только “сверху” перестали определять, какими должны быть умы наших сограждан, “маятник” тут же качнулся от кандового рационализма к столь же утрированному иррационализму, в результате чего страницы наших газет пестрят рекламой услуг магов и гадалок, на отечественном телевидении сейчас нет ни одной программы, посвященной науке (программа П.Л. Капицы не вписалась в нынешнее состояние умов наших сограждан и приказала долго жить), зато существует несколько об астрологах и экстрасенсах, значительная часть известных в стране людей прибегает к их услугам и т.д. (об этом см. [13]). Неудивительно и то, что наиболее настойчивые призывы к построению таких видов знания, как, скажем, психология души или христианская психология³, звучат именно в отечественной науке.

Таким образом, внешняя причина кризиса рационалистической психологии – “иррационализация всей общественной жизни”, помноженная на иррационалистические традиции российской интеллектуальной культуры, предстает не неким артефактом духовного развития (или деградации) общества, а комплексным феноменом, в свою очередь, имеющим, как и рационализм, психологические корни.

ПОЗИТИВИСТСКОЕ ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ

Вторая причина переживаемого психологией “методологического анархизма” имеет внутренний – по отношению к психологическому сообществу – характер и связана с тем, что не только психологическая наука имеет свою методологию, но и любая методология выражает определенную психологию.

Главной прослойкой между рационализмом как глобальной системой мировосприятия и исследовательской практикой, требующей более конкретных методологических установок, явился позитивизм как нормативная методология научного познания, основанная отнюдь не на самоочевидных принципах познания, а на ряде мифологем, глубоко въевшихся в самосознание науки и во многом определивших ее восприятие обществом. Базовые позитивистские мифологемы звучат так: 1. Научное знание основано на твердых эмпирических фактах. 2. Теории выводятся из фактов (и, следовательно, вторичны по отношению к ним). 3. Наука развивается посредством постепенного накопления фактов. 4. Поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение. 5. Теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции. 6. Теории

(или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом [46].

Перечисленные утверждения служат объектами справедливой иронии, а складывающийся из них образ науки характеризуется как “сказочный” [39], а то и “карикатурный” [31]. Во-первых, как отмечает П. Фейерабенд, “наука вообще не знает “голых” фактов, а те “факты”, которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а, следовательно, существенно концептуализированы” [22, с. 149]. Даже показания беспристрастных приборов обретают смысл только в рамках “жизненного мира” наблюдателя [35], зависимы от всевозможных обстоятельств психологического характера, интегрируемых понятием “личное уравнение” [17] и т.д. Во-вторых, вопреки мрачной сентенции Т. Хаксли – “великая трагедия науки состоит в том, что гадкий факт может убить прекрасную теорию” [36, с. 63] – не факты определяют участь теорий, а, напротив, теории задают интерпретации фактов. “Убить” же теорию может только соперница той же “весовой категории” – другая теория, а спор между ними ведется на языке не эмпирических фактов, а так называемых “общих смыслов”, в роли которых выступают парадигмы, исследовательские программы, традиции и т.д. В-третьих, научное знание строится не путем рациональной индукции (или дедукции)⁴, а на основе интуиции, инсайта, того, что М. Планк назвал “артистическим творческим воображением” [42] и др. То есть во всех своих ключевых точках позитивистский образ научного познания не соответствует действительности и хотя и порождает ряд “полезных иллюзий” [1], но после появления работ Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Полани, У. Селларса и других методологов науки фактически списан в тираж.

Однако отвергнутый в естествознании, под влиянием искажения опыта которого он возник, и в философии науки, где он оформился, этот образ оказался очень живучим в науках о человеке, особенно в психологии, всегда стремившейся походить на точные науки и страдавшей комплексом непохожести на них, еще более усиливавшим это стремление. В этом трудно не усмотреть парадокс, поскольку психология, обладая весьма развитой, хотя и обособленной от философской, методологической рефлексией, одновременно обнаруживает явные признаки методологического анахронизма в своем желании походить на точные науки, ориентируясь не на них, а на их давно опровергнутый позитивистский образ. Еще одна сторона данного парадокса состоит в том, что ориентация на точные науки виделась альтерна-

³ Этот термин, говоря языком логики, довольно-таки “пуст”, поскольку вся пришедшая к нам с Запада наука – христианская, а не, скажем, мусульманская, и основана на христианских ценностях (см., например, [6]).

⁴ В зависимости от переноса в образе науки центра тяжести на первую или на вторую из них вычленяются две основные ветви логического позитивизма – гипотетико-индуктивизм и гипотетико-дедуктивизм.

тивной бесплодному философствованию, но реализовывалась посредством их образа, сложившегося опять таки не в них, а именно в философии. К тому же распространение позитивизма в психологии не было методологической необходимостью, не вытекало из внутренней логики ее развития и вообще не имело под собой сколь-либо разумительного методологического обоснования. В ее истории трудно найти работу, в которой было бы обосновано, что она должна идти именно этим путем. И в основе выбора психологией позитивистской модели развития лежали не столько когнитивные, сколько психологические же обстоятельства – усталость от философствования, вышеупомянутое желание походить на точные науки, стремление упростить изучаемую реальность, вписав ее в ограниченный набор простых схем типа стимул-реакция и т.п. [28].

Подчиненность психологии позитивистским нормативам проявлялась в форсированной математизации, в необходимости эмпирической верификации любых утверждений, в сакральном отношении к коэффициентам корреляции, в стандартной структуре психологических исследований, предполагавшей, что из теорий выводятся гипотезы, а из них – эмпирически проверяемые операциональные следствия и др. Правда, наряду с этой – нормативной – всегда существовала и “теневая методология”, напоминающая то, что И. Митрофф называет “анти-нормами” науки [40]. Ее типовыми проявлениями были формулирование гипотез *post factum* – когда исследование уже проведено; их “выведение” не из теорий, а из тех эмпирических данных, которые якобы были получены в процессе проверки теорий; отбор лишь тех коэффициентов корреляции, которые устраивают исследователя, а то и просто выдумывание непроводившихся исследований, весьма близкое к жанру “мысленного эксперимента”⁵. Подобно теневой экономике, “теневая методология” не является лишь порождением аморальных личностей – в данном случае недобросовестных исследователей, а возникает из-за того, что реальная исследовательская практика не вписывается в искусственно ограничивающие ее стандарты – как в случае Г. Менделя, который в нарушение всех основных норм науки попросту придумал эмпирические данные, подтверждающие открытые им законы вовсе не эмпирическим путем.

Тем не менее, в отличие от субъектов теневой экономики, исследователи, практикующие “тене-

вую методологию”, испытывают угрызения совести, сводимые к формуле: “Иногда я беспокоюсь о том, веду ли я себя как настоящий ученый или как я сам” [31, с. 150]. Оформленность позитивистских стандартов в виде нормативной методологии, с одной стороны, и их недостижимость в реальности, с другой, формируют у психологов (не у всех, конечно, а у задумывающихся над методологическими основаниями своей науки) *амбивалентное профессиональное сознание*, подчиненное хорошо известным в той же психологии принципам подавления когнитивного диссонанса и “выправления” внутренне рассогласованных когнитивных структур. А на уровне дисциплины в целом ориентация на недостижимые стандарты, основанные на позитивистских мифах о науке, порождает *позитивистское перенапряжение психологии*, основные виды реакции на которое тоже во многом психологически обусловлены.

Первой и наиболее типовой реакцией на это перенапряжение служит позитивистский камуфляж – не построение, а *описание* исследовательского процесса таким образом, будто гипотезы выведены из теорий, полученные выводы строятся только на основе эмпирического опыта и т.п., т.е. искусственная “обработка” реальности в соответствии с позитивистскими стандартами⁶.

⁶ Немало аналогов такого камуфляжа можно обнаружить и в точных науках. Например, социологи Б. Латур и С. Уолгар, проанализировав речь астронома Э. Хьюиша, произнесенную им при получении Нобелевской премии, продемонстрировали, что в ней представлена парадная версия сделанного открытия, где реальность искусственно препарирована таким образом, будто все действия лауреата были предопределены исключительно изучаемым объектом и логикой его анализа, в то время как на самом деле все было совсем иначе [38]. Еще более яркий пример камуфляжа реального смысла действий ученых под конвенционально принятые нормы приводят в своей книге с красноречивым названием “Открывая ящик Пандоры” Дж. Гилберт и М. Малкей [8].

Что пишется	Что имеется в виду
Давно известно, что...	Я не удосужился записать точными ссылками
Хотя не оказалось возможным найти точные ответы на поставленные вопросы...	Эксперимент провалился, но я считаю, что, по крайней мере, смогу выжать из него публикацию
Три образца были отобраны для детального изучения...	Результаты, полученные на других образцах, не давали никакой почвы для выводов и прогнозирования
Имеет большое теоретическое и практическое значение...	Интересно для меня
Утверждается... представляется... считается, что...	Я считаю
Общепринято, что...	Еще двое отличных ребят думают точно также
Наиболее надежными следует считать результаты, полученные Джонсом...	Он был моим аспирантом

⁵ Одним из признанных пионеров этой практики считается английский психолог С. Барт, удостоенный престижной премии Торндайка и первым среди представителей своей профессии посвященный в дворянство. Добился всех этих почестей сэр Сирил Барт с помощью разветвленной системы подлогов, которая включала описание непроводившихся исследований, искажение действительных размеров выборок, публикацию подтверждающих данных под вымышленными именами и другие приемы [37].

Второй вид реакции – когнитивно оформленный, а иногда и институционализированный отказ от самих позитивистских стандартов – либо “тихий”, как в случае формирования практической психологии, либо громко афишируемый, как при создании Ассоциации гуманистической психологии. А третьим и наиболее радикальным видом реакции является *проецирование разочарования в позитивизме на рационализм в целом*, выражающееся в возникновении нерационалистических направлений психологии, таких, как психология души или христианская психология.

В результате позитивистское перенапряжение либо приучает психологов к двойным стандартам, аналогичным описанным Дж. Гилбертом и М. Малкеем “эмпиристскому” и “условному” репертуарам [8], либо толкает их к отказу от позитивизма, отношение к которому нередко переносится на рационализм в целом. Причем, наиболее мягкая из этих стратегий – применение двойных стандартов – используется все реже и лишь наиболее конформными представителями психологического сообщества. Его же основная часть обнаруживает явную склонность к более радикальным настроениям, и массовая усталость от позитивизма⁷ служит основой весьма агрессивного анти-рационализма. А редкие попытки психологов старой закалки отстоять привычный им материализм (по сути – рационализм) не встречают сколь-либо массовой поддержки, воспринимаясь основной частью сообщества не только как архаизм, но и как попытки ретроградов наложить вето на созвучный демократии принцип “пусть прорастают все цветы”.

В итоге к внешней причине отхода психологии от рационализма – “иррационализации всей общественной жизни” – добавляется и внутренняя: разочарование в нем значительной части психологического сообщества, и в сочетании друг с другом они формируют крепкие рельсы для ее съезжания с рационалистических позиций. И, если само по себе несоответствие позитивистской методологии реальной исследовательской практике можно рассматривать лишь в *когнитивной* плоскости (да и то с изрядной долей натяжек, создаваемых искусственным отсечением его социальных аспектов), то феномен позитивистского перенапряжения и типовые реакции на него (у разных психологов проявляющиеся по-разному в зависимости от их личностных особенностей) имеют отчетливо выраженную психологическую составляющую. И вполне закономерно, что это перенапряжение порождает не только когнитивные последствия в виде методологических – анти-

позитивистских и анти-рационалистических – *идей*, но и своеобразные “*методологические эмоции*”, которые дают о себе знать в настроениях типа: “Я устал от академической психологии, особенно от той, которая существует в нашей стране в последние десятилетия. Уж очень она серьезна и скучна” [9, с. 223].

Таким образом, движение психологии по позитивистской орбите во всех своих ключевых точках: а) приобщения к позитивистской парадигме⁸, б) ее универсализации и в) разочарования в ней – имеет отчетливо выраженный психологический фон. А такие вроде бы асимметричные реалии, как методология психологии и психология методологии, обнаруживают тесную взаимосвязь и двустороннюю зависимость, построенную по принципу “онтологического круга” [25].

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Еще одна парадоксальная черта методологического состояния психологии состоит в том, что позитивизм сосуществует в ней с тем, что на первый взгляд выглядит как его противоположность – с *феноменологием*, который проявляется в следующем: психологи изучают психологическую реальность в том виде, в каком она предстает их восприятию, т.е. по существу не саму эту реальность, а свои восприятия, свидетелем чему служит, например, язык научной психологии, мало отличающийся от обыденного языка, который выражает наш феноменальный опыт. Не являются исключениями и направления психологии, считающиеся избавленными от субъективности, например, бихевиоризм. Пытаясь избежать опоры на феноменологию испытуемых и поэтому изучая не их внутренний опыт, а поведение, бихевиорист переносит центр тяжести на свою собственную феноменологию и даже поведение крыс анализи-

⁸ Существуют три основные позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно первой из них, которой придерживался сам Т. Кун, психология является *допарадигмальной*, а стало быть, донаучной дисциплиной, в которой единая парадигма, задающая основания рациональности и научности знания, еще не сформировалась. Вторая позиция состоит в том, что психология – это *внепарадигмальная* дисциплина, которая развивается принципиально иным путем, нежели точные науки, и куновские понятия, отработанные при анализе именно этих наук, к ней вообще не применимы. Согласно третьей позиции, психология представляет собой *мультипарадигмальную* науку, в которой сосуществует несколько парадигм, представленных различными школами и направлениями, такими, как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др. Хотя перечисленные исследовательские направления и соответствующие теории выполняют целый ряд парадигмальных функций (см. [25]), все же к парадигмам в куновском смысле наиболее близки такие модели получения, верификации и использования знания, как позитивистская, физиологическая, гуманистическая и практическая психология.

⁷ Под знаком которой прошел, например, недавно организованный журналом “Вопросы психологии” круглый стол “Психология в XXI веке: пророчества и прогнозы” [16].

рует в преломлении ею. Так, Э. Толмен подчеркивал, что когда существует слишком много степеней свободы в интерпретации эмпирических данных, исследователь неизбежно черпает объяснительные схемы из своей собственной феноменологии. И сделал символическое признание о том, что при изучении поведения крыс постоянно идентифицировал себя с ними, регулярно задавая себе вопрос: “а что бы я сделал на ее (крысы – А.Ю.) месте?” [45, с. 3].

Все психологические “империи” – такие, как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ – говорят на феноменологическом языке, и различие между ними состоит лишь в том, какое именно слово этого языка – “действие”, “образ”, “мотив” или любое иное – они считают главным, что само по себе довольно абсурдно, поскольку ни один язык не может иметь “главного” слова, и, как показал еще Л.С. Выготский, искусственное “натягивание” всей психологической реальности на какую-либо одну категорию заводит психологическую мысль в тупик [5]. При этом, как ни странно, методологическая рефлексия самой психологии не уделяет должного внимания феноменологизму. В результате возникает очередной методологический парадокс: в своем стремлении походить на точные науки, точнее, на их искаженный позитивизмом образ, психология игнорирует одну из их главных особенностей – принципиально *нефеноменологический характер*.

Категории, в которых изучается физическая или биологическая реальность – атомы, электроны, клетки, молекулы и т.п. – имеют мало общего с категориями, в которых мы эту реальность воспринимаем; они описывают саму эту реальность, а не наши восприятия, что и позволяет выявлять ее имманентные, а не приписанные нами в силу особенностей этого восприятия (как, скажем, в случае геоцентрической модели Вселенной) закономерности. А то научное знание, которое стало символом науки XX века, не только нефеноменологично, но и контр-феноменологично, то есть противоречит нашему восприятию мира и вообще не укладывается в наш разум: мало кто может представить себе – вписать в свою феноменологию или, используя термин М.К. Мамардашвили, “помыслить” – бесконечность Вселенной или переход пространства во время.

Нефеноменологичность и ее крайний вариант, контр-феноменологичность, в точных науках обеспечивается не только использованием особого языка, выражающего природу самой изучаемой реальности, но и *многократной разделенностью* этой реальности и ее исследователя. Здесь изучаемые объекты практически никогда не подвергаются *непосредственному* наблюдению. Так, в физике при изучении, например, нейтрино, наблюдению подвергается не сама эта части-

ца, а результаты ее взаимодействия с радиоактивным изотопом аргона. Чем больше опосредующих звеньев встроено в исследовательскую процедуру, тем большее приращение знания она дает, и по мере развития науки количество таких опосредований нарастает [41]. А с каждым из опосредующих шагов, все дальше уводящих исследователя от того, что он может наблюдать и воспринимать непосредственно, то есть от его собственной феноменологии, научное знание все больше очищается от нее, а исследование все глубже проникает в изучаемую реальность.

В психологии же использование традиционного – позитивистского – варианта эмпирических исследований не только не позволяет преодолеть феноменологизм, но и усугубляет его, поскольку на феноменологию исследователя, формулирующего перед испытуемым задачи в терминах своего восприятия психологической реальности, накладывается феноменология испытуемого, а на нее – вновь феноменология исследователя, интерпретирующего действия испытуемого в терминах своих восприятий. Формирование же математизации лишь камуфлирует этот “слоеный” феноменологизм, так как математическая обработка субъективного опыта не делает его объективным, хотя и способна породить такую иллюзию. Культ математики и т.п., имеющий оборотной стороной остракизм в отношении нематематизированных работ (попробуйте, например, защитить диссертацию, не применив в своей работе математический аппарат) и превративший психологическое исследование в вычисление попарных корреляций между изолированными переменными, нисколько не способствует преодолению одного из главных следствий феноменологизма – *перенасыщенности психологического знания собственной феноменологией исследователя*.

Эта перенасыщенность свойственна не только тем первичным интерпретациям, которые психолог-исследователь дает поступкам испытуемого или психолог-практик – словам пациента (клиента), но и тем обобщениям, которые, казалось бы, максимально отдалены от чьей-либо феноменологии, например, психологическим теориям. Справедливости ради надо отметить, что теории феноменологически нагружены в любой науке, не исключая “лидера естествознания” – физику. Как писал физик Е. Герох, внесший признанный вклад в развитие теории относительности: “С моей точки зрения, теории состоят из неисчислимого количества идей, аргументов, *предчувствий, неопределенных ощущений, ценностных суждений* (курсив мой – А.Ю.) и так далее, объединенных в своеобразный лабиринт. Именно это скопление и называется “теорией” [33, с. 183]. Даже в точных науках теории не сводятся к выражающим их ма-

тематическим формулам, и во многом поэтому теорию относительности мало кто понимает, хотя формула $E = mc^2$ известна школьникам. Но удельный вес феноменологического наполнения теорий в гуманитарных науках несравнимо больше, поскольку здесь они, как правило, формулируются в виде не компактных математических формул, а многотомных трудов, содержание которых, как и смысл любых текстов, согласно Г. Гадамеру, Ф. Шлейермахеру и другим представителям герменевтики, является продуктом *со-творчества* автора и читателя, взаимоналожения их феноменологий, и к тому же имеет обширный смысловой подтекст, основанный на описанном М. Полани “личностном знании” [17]. В результате едва ли можно найти хотя бы двух психологов, которые одинаково понимали бы, скажем, теорию деятельности, как, впрочем, и любую другую психологическую теорию, вписывая ее в одно и то же смысловое пространство. А в тех случаях, когда психологические теории под влиянием моды на математизацию излагаются в виде формул (как, например, популярная в зарубежной социальной психологии “теория справедливости”⁹), эти формулы обрастают таким количеством неформализованных дополнений, что выглядят скорее как условный логотип, чем как формализованный эквивалент содержания теорий.

В результате перенасыщенности феноменологией “теории о природе человека являются интеллектуальными средствами выражения в меньшей степени объективной реальности, чем психологических особенностей их авторов” [31, с. 197]. И справедливо отмечается, что ни в одной другой науке системы научного знания так рельефно не запечатлевают в себе личностно-психологические особенности их авторов, как в психологии [43]. Это, конечно, не следует понимать таким образом, что, скажем, деятельный человек непременно разрабатывает теорию деятельности, а любитель пообщаться – теорию общения. Но в работах У. Джемса, например, можно не только уловить отчетливые проявления его личностных особенностей, но и проследить перепады его настроения [43]. Выявлена и прямая связь между общим складом его личности и характером разработанных им концепций – как психологической, так и философской [29]. То же самое было сделано представителями особого биографического жанра – психобиографами – в отношении Е. Титченера, К. Юнга, Дж. Салливена, естественно, З. Фрейда и многих других (см. [15]), их личностные особенности и индивидуальный фе-

номенологический опыт во многом предопределили общие контуры и содержательное наполнение созданных ими систем знания.

Сочетание позитивизма и феноменологизма, “объективирование” феноменологизма с помощью позитивистских процедур дает довольно-таки причудливые результаты. Среди них: выделение и сложение “единиц” наших ощущений – ЕЗР (едва заметных различий) и т.п., абсурдные методологически, но имеющие для психологии важный символический смысл – возможности объективировать субъективное, а также другие формы насилия над ним. Продуктом этого кентавро-образного синтеза служит и рассечение психологической реальности на ее изолированные локусы – память, внимание, мышление и т.д., которое, несмотря на нескончаемые призывы к воссозданию целостного человека, продолжает оставаться главной формой структурирования психологического знания, порождающей его дезинтеграцию. Феноменологизм ответствен за это потому, что подобное членение психологической реальности является продуктом ее восприятия: мы воспринимаем феноменологические данные нам психические явления, а не ту реальность, которая за ними стоит, и структурирование своего *восприятия* психики проецируем на саму психику. А под влиянием позитивизма психологическая реальность расчленяется в соответствии с тем, как ее удобнее препарировать и изучать с помощью позитивистских приемов, и все то, что не уместается в их прокрустово ложе, либо отсекается вообще, либо предается довольно-таки варварской вивисекции. Но все же главное следствие соединения позитивизма и феноменологизма состоит в *подмене сущности психических явлений их феноменологическими репрезентациями*. Например, мышление, которое, согласно современному взглядам на этот процесс, внереально, а лишь порождает продукт, проецируемый в различные модальности, регулярно сводится то к речи, то к понятиям, то к зрительным образам, то к чему-либо еще, т.е. к тем модальностям, в которых не протекает, а отображается. Таким образом, феноменологические репрезентации психического процесса выдаются за сам процесс, а феноменологические отображения психических явлений принимаются за их сущность.

Зажатая между Сциллой позитивизма и Харибдой феноменологизма, психология мучается, но не бездействует, пытаясь либо протиснуться в узкий проход между ними, либо найти им альтернативу. Все многообразие попыток избежать этой ловушки трудно обозримо, их же полярными формами, формирующими представление о широте континуума, служат, с одной стороны, своего рода вербальный эскапизм – “уход в метаформы и в категории”, с другой, –

⁹Выражающая ее формула такова:

$$\frac{O_1}{O_2} = \frac{I_1}{I_2}, \text{ где } I_1 \text{ и } I_2 - \text{ вклады участников взаимодействия, } O_1 \text{ и } O_2 - \text{ полученные ими результаты.}$$

попытки реанимировать одну из наиболее старых в психологической науке – физиологическую – парадигму.

Психология “уходит в метафоры”, когда термины обыденного языка, выражающие наш феноменологический опыт, заменяются на выражения, имеющие сугубо метафорический смысл – такие, как “Я” и “Оно” – или те метафоры – “компьютерная” и т.п., – которые использует современная когнитивная психология (см. [19]). При этом психологическая реальность рассматривается сквозь призму ее метафорических описаний, а вопрос об их отношении к ней не только не подвергается эмпирическому изучению, но даже не ставится, – происходит замещение реальности метафорами или, перефразируя один из терминов теории деятельности, “сдвиг метафор на реальность”. Так до сих пор не предпринимались какие-либо попытки доказать, что реалии, стоящие за введенными З. Фрейдом метафорами, действительно существуют, однако психоанализ уверенно базируется на презумпции об их существовании. Конечно, любая система знания имеет в своей основе ряд эмпирически неверифицируемых постулатов, но когда охватывается практически все ее содержание, а система *знания* подменяется систематизированной *верой*, то неудивительно, что тот же психоанализ часто сравнивают с религией [34]. И здесь трудно не усмотреть аналогию с тенденцией, описанной Л.С. Выготским: подобно тому, как психологическая наука в поисках единого объяснительного принципа, которого ей остро недостает, хватается за любую частную категорию, пытаясь превратить ее в общий объяснительный принцип, она же, не имея и адекватного *образа* изучаемой реальности, не менее жадно хватается за любой его метафорический суррогат. В результате психологическое знание в основном строится на так называемом “если бы”-основании [5] – презумпции о том, что метафорические описания психической реальности эквивалентны ей самой, а “уход в метафоры” от позитивистско-феноменологической психологии оборачивается построением не менее далекой от этой реальности психологии метафорической. Да и сами метафоры, формально вводимые для проникновения в сущность психических явлений и противопоставленные их феноменологическим описаниям, реально выполняют не эту – онтологическую, а ту же феноменологическую функцию – *упрощают понимание* изучаемой реальности, сводя ее к схемам, которые проще укладываются в нашу феноменологию.

Близкий смысл имеет и такое распространенное в психологии явление, как “уход в категории”. В этом случае вводится некоторый набор категорий, как правило, имеющих философское происхождение и весьма отдаленное отношение к собст-

венно психологической реальности – “субъект”, “индивид”, “деятельность” и т.д.; между ними устанавливаются абстрактные отношения, которым искусственно приписывается онтологический смысл. Игра с категориями замещает проявление реальности, а диаматовская традиция проникновения в нее с помощью таких понятий, как “субъект” или “деятельность”, порождает спекуляции, которые трудно приравнять к *знаниям*. Таким образом, попытки избежать позитивистско-феноменологической ловушки с помощью абстрактных категорий, как и с помощью метафор, приводят к конструированию искусственных языков, лишь отдаляющих от постижения собственного языка психологической реальности.

Полярной – по отношению к “уходу в метафоры и в категории” – формой реакции психологии на позитивистский феноменологизм являются регулярно предпринимаемые попытки возрождения физиологической парадигмы, т.е. объяснения психологических явлений на основе физиологических механизмов. Одна из главных причин того, что в современной психологии эта парадигма имеет мало сторонников, а большинство психологов брезгливо квалифицирует ее как “физиологический редукционизм”, состоит в следующем: физиологические механизмы слишком скупы и однообразны, чтобы объяснить ими всю богатую палитру психических явлений, а отсылка к их недифференцированной физиологической основе не воспринимается как *объяснение*. В то же время физиологическая парадигма слишком привлекательна – своей простотой, перспективой контроля над психическими процессами, близостью к естественным наукам, – чтобы от нее вообще отказаться. В этой ситуации ее сторонники совершают типовые действия, описанные Т. Куном, И. Лакатосом, К. Поппером, Л. Лауданом и другими методологами науки как попытки *спасения* парадигмы (исследовательской программы, исследовательской традиции и т.д.) путем ее дифференциации, расширения области ее значений или различных *Ad hoc*-построений. Например, Н.И. Чуприкова пытается дифференцировать и тем самым расширить физиологическую парадигму таким образом: “...чтобы решить проблему соотношения психики и деятельности мозга в духе последовательного монизма, надо допустить, что работающий мозг человека и животных в ответ на внешние и внутренние воздействия продуцирует не только однородные нервные импульсы и не только специфические паттерны нервной активности, но и широкий спектр различных качественных состояний, отвечающих качественно различным психическим переживаниям” [24, с. 86]. То есть, постулируется *разнообразие* физиологических механизмов, сопостави-

мое с многообразием психических явлений и в результате способное служить основой для их объяснения.

Подобный типовой путь “спасения” парадигм дает не менее типовые, многократно описанные результаты. Обновленная и подкорректированная – обросшая различными Ad hoc-построениями, расширенная или дифференцированная – парадигма обнаруживает более широкую область значений по сравнению с ее прародительницей, включая способность к объяснению явлений, которые та не в состоянии объяснить, но одновременно и неспособность решить главные для нее, говоря словами Т. Куна, “головоломки” [14]. Даже расширенный вариант физиологической парадигмы оставляет нерешенными все ее ключевые проблемы – свободы волн, различных “параллелизм” и т.д., и к тому же при ее расширении дефицит собственно физиологического знания о психике восполняется ничем не объясняющими категориями диалектического материализма, такими, например, как “отражение”. И даже если представить себе предельное развитие этой парадигмы – возможность установления точечных соответствий между психическими явлениями и физиологическими процессами, которое, вероятно, удовлетворило бы внешнего потребителя психологического знания, обеспечив и контроль над психическими процессами, и строгую привязанность каждого из них к специфицированному материальному субстрату, – эти процессы все же выглядели бы именно как *субстрат, а не сущность* психического.

Тем не менее, в попытках спасения и развития физиологической парадигмы было бы неверным видеть очередной методологический артефакт, лишая их эвристического значения. Выработке синтетической парадигмы, которая решила бы главную методологическую проблему психологии, “наведя мосты” между феноменологическим и физиологическим знанием о психике, препятствует то, что первое (вследствие развития этой науки преимущественно в феноменологическом русле) намного более развито и дифференцировано, чем второе. “Подтягивание” физиологического знания путем его дифференциации приближает к установлению того паритета двух видов знания, который послужил бы основой их синтеза. И, видимо, в настойчивости спасателей физиологической парадигмы можно уловить не только эмоциональную реакцию на засилье феноменологизма и распространение иррационализма, неприемлемых для материалистического ума, но и методологически оправданную сосредоточенность психологов-романтиков, все еще пытающихся решить “основной вопрос” психологии на том главном, что мешает его решению – несораз-

мерности феноменологического и физиологического знания.

* * *

Таким образом, та совокупность явлений в современной психологии, которая выглядит как ее “иррационализация”, сама во многом психологически обусловлена и представляет собой комплексный когнитивно-социальный феномен, обусловленный тремя основными причинами. Во-первых, “иррационализацией всей общественной жизни”, в нашей стране дополненной имеющей свои национальные особенности иррационализацией жизни российской. Во-вторых, отсутствием у психологии “защитного пояса” – твердой и адекватной методологии, которая сделала бы ее такой же устойчивой к внешним воздействиям, как естественные науки, сохраняющие верность рационализму вне зависимости от настроений в обществе. В-третьих, бесплодностью попыток этой дисциплины натянуть чужую одежду – позитивистским перенапряжением, порождающим разочарование позитивизмом, которое, в соответствии со стандартной схемой сдвига когнитивных установок с парадигм на метапарадигмы [27], проецирующееся на рационализм вообще.

Позитивизм более не в состоянии служить для психологии убежищем от решения тех порожденных феноменологизмом проблем, которые ей необходимо решать. Подобное, с большими или меньшими приближениями, уже случалось в истории науки, которая учит, что есть только один выход из этой неутешительной ситуации – отказ от позитивизма и разработка адекватной парадигмы, способной решить главные методологические проблемы психологии: ее разобщенность на непересекающиеся исследовательские направления, отсутствие кумулятивности психологического знания, расчлененность психологической реальности, раскол (говоря словами Ф.Е. Василюка, “схизис” между исследовательской и практической психологией [3]), и др. И, как учит опыт “благополучных” наук, а также собственный опыт психологии, эта парадигма должна быть нефеноменологической, выражающей сущность самой психологической реальности, а не ее восприятие нами.

Для разработки такой парадигмы психологическому сообществу необходимо совершить нечто подобное тому, что Ж. Пиаже назвал децентрацией, – выйти за пределы собственных восприятий, увидев психику не нашим привычным феноменологическим взором, а “изнутри” – так, как мы научились видеть реальность физическую или биологическую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М., 1998.
2. Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении // Русская идея. М., 1992. С. 112–117.
3. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Выготский Л.С. Сбор. соч. в 6-и т. Т. 1.
6. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М., 1987.
7. Герцен А.И. Prolegomena // Русская идея. М., 1992. С. 118–128.
8. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М., 1987.
9. Зинченко В.П. Трубка Мамардашвили и посох Мандельштама. М., 1998.
10. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 436–443.
11. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 171–181.
12. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. Т. 2.
13. Кругляков Э.П. Что же с нами происходит. Новосибирск, 1998.
14. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
15. Мошкова Г.Ю., Юревич А.В. Психобиография – новое направление в изучении науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 67–75.
16. Психология XXI века: пророчества и перспективы // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 3–35.
17. Полани М. Личностное знание. М., 1985.
18. Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993.
19. Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.
20. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
21. Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
22. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
23. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М., 1989.
24. Чуприкова Н.И. Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. № 1. С. 97.
25. Юревич А.В. “Онтологический круг” и структура психологического знания // Психол. журн. 1992. № 1. С. 6–14.
26. Юревич А.В. Психологические основания науки Нового Времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 3–19.
27. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
28. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
29. Bjork D. The compromised scientist: William James in the development of American psychology. N.Y., 1983.
30. Crombie A.C. What is the history of science // History of European idea. 1986. V. 7. № 1. P. 21–31.
31. Eiduson B.T. Scientists, their psychological world. N.Y., 1962.
32. Gavin W.J., Blakeley T.J. Russia and America: A philosophical comparison. Boston, 1976.
33. Geroch R. Genetal relativity from A to B. Chicago, 1978.
34. Gobar A. Philosophy as Higher Enlightenment. N.Y., 1994.
35. Heelan P.A. Towards a hermeneutics of natural science // The J. of British Society for phenomenology. 1972. V. 3. P. 252–285.
36. Huxley L. Life and letters of Thomas Henry Huxley. London, 1902.
37. Kohn A. False prophets: Fraud and error in science and medicine. Oxford, 1986.
38. Latour B., Yolgur S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. N.Y., 1979.
39. Mahoney M.J. Scientists as subjects: The psychological imperative. Cambridge, 1976.
40. Mitroff I.I. The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Appolo Moon scientists. Amsterdam, 1974.
41. Pinch T. Towards an analysis of scientific observation: The externality and evidential significance of observational reports in physics // Social studies of science. 1985. V. 15. № 1. P. 3–36.
42. Plank M. Scientific autobiography and the papers. N.Y., 1949.
43. Richards G. Of what is history of psychology a history // British journal for the history of science. 1987. V. 20. № 65. P. 201–211.
44. Sagan K. The Dragons of Eden. N.Y., 1977.
45. Tolman E.C. Principles of purposive behaviour // Psychology. A study of science. New York, 1959. V. 2.
46. Weimer W.B. Psychology and the conceptual foundations of science. Hillsdale, 1976.
47. Zuckerman M. Attribution of success and failure revisited, or: The motivational bias is alive and well in attributional theory // J. of personality. 1976. V. 42. № 2. P. 245–287.

PSYCHOLOGY AND METHODOLOGY

A. V. Yurevitch

*Dr. sci. (psychology), head of the chair of social psychology,
Institute of History, Natural Sciences and Technology, RAS*

The causes of rational psychology crisis are analyzed. Its main symptoms are the increased distance between research and practical psychology, the separation of humanistic psychology, the attempts of constructing some systems of knowledge such as Christian psychology or psychology of psyche, the expansion of parapsychology influence. The crisis are conditioned by three major causes: the irrationalization of social life with its Russian specificity, the absence of firm adequate methodology of psychology which is able to make psychology resistant to social influences like natural sciences are, the "positivistic overstrain" generating the disappointment in positivism which projects on rationalism as a whole doctrine.

To decide the main methodological problems of psychology it is necessary to work out a new paradigm, neither a positivistic nor a phenomenological one.

Key words: rationalism, irrationalization, positivistic overstrain, methodological emotions, phenomenologism.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ НА ФОНЕ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ (по поводу статьи Б.С. Братуся)

© 2000 г. А. А. Леонтьев

Академик Российской академии образования, доктор филологич. и психол. наук

Статья Бориса Сергеевича Братуся "Научная психология на фоне Льва Толстого" (Психол. журн., 1999, № 3) в определенном отношении – пионерская. Гигантская роль Льва Толстого в истории русской культуры и – шире – в истории русского общества, казалось бы, очевидна. Но масштаб его личности, энциклопедичность познаний, наконец, редкая целостность мировоззрения и способность к интенсивному саморазвитию, к отказу от того, что не вписывалось в обновленное видение им мира и человека, – все это делает Толстого благодарным объектом не только для тех, кто профессионально занимается морально-этическими проблемами (подобных публикаций немало), но и для других специалистов-гуманитариев, в особенности, психологов. И когда об уроках Толстого пишет такой высококвалифицированный и самобытный психолог, как Б.С. Братусь, не может не получиться интересная работа, заставляющая задумываться не только о самом Толстом, но и о судьбах сегодняшней психологии.

Причин этого полемического отклика на статью Братуся – две. Одна лежит в самом ее тексте, другая – в том, что в данном тексте отсутствует, но, как мне кажется, должно было в нее войти.

Цитируя мысль Толстого, что личность скрывает в человеке Бога, Братусь полагает, что "современная психология до этого уровня просто не доходит" (с. 122). Он обрушивается на психоанализ как копание в себе, на бихевиоризм как систему манипулирования, даже на идею самоактуализации как стремление сделать личность самодов-

леющей, беспроблемной, приспособленной к миру. "Ищите царство Божие в вас, а остальное приложится", – сказано в Евангелии. «Мы же ищем "остальное", полагая, что царство Божие в нас, мир и покой души приложатся. Вспомним толстовское – люди только думают, что воюют, торгуют, строят; главное, что они делают – это решают нравственные проблемы, это и есть главное дело человечества. Мы же все перевернули...» (с. 123).

Итак, решение нравственных проблем есть основное содержание *душевной* жизни человека. Все же прочее от лукавого. Почему меня не может устроить эта концепция, по-своему цельная и последовательная?

Во-первых, потому, что она полностью исключает идею развития. Вернее, сводит процесс развития к все более глубокому познанию человеком самого себя (или, что то же, Бога в себе). Но не полагает же Братусь, что *сам человек*, его личность, отношение к миру и обществу, реализуемое в деятельности, остаются неизменными? Допустим даже, что все, что он делает, он делает ради конечной цели самопознания. Но ведь делает – и его развитие определяется не все более углубленным самоанализом, а все более сложным реальным взаимодействием с реальным миром в процессе деятельности – причем деятельности по определению не индивидуальной, а совместной, социальной по своей сущности, если не по внешней форме. Как писал в 1922 году С.Л. Рубинштейн, "субъект в своих деяниях, в актах своей